«познание – сопоставление – выбор». Характерно, что формы, в которых процесс происходит, а также одна часть информации обычно новые (порой и совершенно чужие), а другая часть информации и само решение – свое. В случае субстратных народов с трудноосуществляемой этничностью исконным можно считать лишь врожденное коллективное подсознательное («предковую память») и слой раннего детства (если оно проводилось в родной среде вообще). Все последующие решающие факторы: формы воспитания, обучения, трудовая деятельность, образ жизни, язык, культура, религия, наука и т.д. – исторически развились у другого этноса (этносов). Но, поскольку психика настроена на самоидентификацию, человек будет готов принимать любую информацию в любых формах, сравнивать любые общности, чтобы найти «свое». Вроде все «не наше», а результат все равно «наш». Правда, он порой получается настолько новый, что не входит ни в какую категорию. Если посмотреть на общественно-политические движения и бурную культурную активность коренных народностей, нетрудно проследить процесс самоидентификации в новых формах. Национальная наука является мощным средством формирования новой идентичности. Итак, возвращаемся к этническому языку и письменности.

2.4. Этнос, язык, письменность

Ценность этнического языка наиболее полно могли бы объяснить те народы, которые уже утеряли его, а внимательно воспринимать стоило бы тем, кому угрожает такая судьба в ближайшее время. В этом плане важны следующие функции языка:

1. Обмен информацией в рамках определенной общности.
2. Моделирование мира – «закодирование» и хранение предыдущего опыта.
3. Самостоятельное информационное пространство общности.
4. Возможность воссоздания функций 1-3.

Одним словом, язык – ***это собственный целостный мир в сознании, который в идее, кроме самого сознания, ни от чего не зависит.*** Другое дело, что само сознание в свою очередь зависит от множества условий, которые через него сильно влияют на состояние и функционирование языка.

«Младописьменных» языков типа хантыйского на свете множество, и они все находятся в весьма критическом положении. Например, в случае хантов вышеуказанная идеальная схема функций языка ограничивается целым рядом условий:

• носители хантыйского языка (не больше 15 000 чел.) проживают островками среди ок. 1 500 000 иноязычного пришлого населения;

• коммуникация на хантыйском языке ведется почти исключительно в семейно-бытовой сфере;

• из-за двуязычия у молодого поколения резко сокращается активность родного языка;

• диалектная раздробленность затрудняет общение разных групп: отдаленные диалекты непонятны говорящим;

• языковые (диалектные) и графические стандарты практически не действуют;

• на хантыйском языке пока нет адекватного школьного обучения, информационных форумов;

• в отсутствии полномасштабной письменности на родном языке даже у представителей интеллигенции восприятие письма часто остается на детском уровне и т.д. ...

После такого перечня пессимист может сказать: «Зачем тратить силы на пустое дело?» Однако дело обстоит скорее наоборот.

В эти годы у наиболее компактно проживающих групп есть достаточное количество говорящих среднего и молодого поколения, которые научились языку в традиционных условиях. В этой фазе язык еще может выполнить все вышеуказанные функции. Всем ясно, что вследствие двуязычия функции 1-3 больше не могут проявиться в исходном чистом виде, зато резко увеличивается значимость функции 4 – ***способность языка вторично воссоздать свои функции и все то, что создало его самого.*** Именно в это время необходимо заняться делами языка, и вовсе не случайно, что по всем «активным» диалектам есть люди, особо заинтересованные родным языком. Даже если у них мало возможности общаться на хантыйском языке в своей ближайшей среде, все же язык играет важную роль в их жизни как предмет исследований, обучения, усовершенствования, художественного выражения и т.д. Этот тип

людей представляет большинство участников нашего семинара[1]. Интерес возрастает с каждым днем не только из-за внешних условий, например, из-за расширения кадрового состава по национальной тематике в учреждениях или повышенного научного интереса к коренным народам Севера, а из-за более глубоких причин.

Защита родного языка, пересмотр языковых норм и орфографии – это характерное явление для больших перемен. В наше время этим вынуждены заниматься даже самые развитые народы. Новые понятия и заимствования достигают критического количества в любом языке, а что касается письма – здесь непоследовательность орфографии стала серьезно мешать компьютерным программам. Так что в любом случае предстоит проделать такую работу, разница лишь в том, что младописьменным народам теперь приходится добиваться тех стандартов и согласий, которые у других народов сформировались столетия тому назад.

Независимо от конкретных общественных обстоятельств и от активности отдельных диалектов будет необходимо создать научно и практически обоснованную, единую графическую систему для всех диалектов хантыйского языка просто потому, что в данный исторический период без нее невозможно управлять собственным этническим информационным фондом.

3. О новых условиях для младописьменных народов на рубеже XX-XXI вв.

Вырабатывая целую графическую систему, необходимо учесть новые условия, при которых ей надо будет функционировать. Если сегодняшние цивилизационные процессы продолжаются (?), то у молодого поколения коренных народов будет другое отношение не только к буквам, но вообще к знаковым системам.

Элементарные знания по компьютерным программам, по записывающей и прочей технике будут необходимы всему населению. В городах и поселках это уже привычно для молодежи и начинает

[1] Международный научно-практический семинар «Графика и орфография хантыйского языка» (26 марта – 1 апреля 2001 г., г. Белоярский).

распространяться в сторону деревень. В процессе интернатского обучения дети из деревень и стойбищ не только знакомятся с компьютером, но на формирование их восприятия и психики влияют взаимодействующие учебные и игровые программы. Своего рода «сверхпрограммой» в этой области можно считать идею обучения просредством радио- и компьютерных программ в небольших деревнях и стойбищах, где информационное пространство и его механизмы сильно отличаются от густонаселенных пунктов. Все подобные средства устраивают «диалог» с человеком и требуют правильного ввода знаков и символов на лад «письма», вырабатывая навыки восприятия условностей типа «знак – означаемый». Само собой разумеется, что после такого воспитания человек более конструктивно относится к любым знаковым системам.

В сфере информации и знаковых систем тоже происходит процесс новой самоидентификации путем «познание – сопоставление – выбор». В результате в гигантских размерах перемешиваются и информационные фонды, и знаковые системы. В отличие от предыдущего поколения, которое в идее было лишено альтернативы, молодое поколение рождается для исторической задачи создания нового синтеза. Они меньше привязаны к однородности алфавитов и орфографических правил, особенно если учесть, что интеллигенция, которой предстоит пользоваться письмом, поголовно будет знакома с несколькими видами графики (русской и латиницей). Таким образом, можно ожидать уменьшение влияния русской графики и орфографии на хантыйское письмо. В то же время надо признать, что первичная хантыйская языковая основа резко переходит на второй план, и формируется смешанная языковая основа с преобладанием русского. Письмо тоже полностью воспринимается молодым поколением на основе русских обозначений графем. Так в школьном обучении, наверное, целесообразно будет соблюдать определенную координированность двух графических систем.

В области знаков возможности компьютера действительно открывают новую эпоху. Ввиду того, что на компьютере можно создать знаки любой формы и зарегистрировать их систему, навсегда отпадает главная ссылка насильственной унификации графики: «в нашем наборе нет таких букв». На самом деле можно было бы создать совершенно индивидуальные системы графики для

младописьменных народов (как, например, у некоторых индейских и эскимосских племен), но в школьном обучении три разные системы учить одновременно – большая нагрузка для детей. ***Создание единичных специальных знаков можно считать главным способом разрешения обозначения проблематичных фонем.***

Технический фактор может существенно повлиять на формирование графики младописьменных народов и другим путем. В обращении информации большую перспективу имеют комплексные носители типа «изображение – звук – письмо», например, лазерные диски, диски DVD или видеозаписи с титрами. Как только создается неразрывная связь между звуком и письменным отражением, задача графем – обозначать звучание языка – значительно упрощается. Поскольку звуковая запись в точности передает актуальное звучание, графическая система может отвлечься, напр., приблизиться к идеальному изображению системы фонем, то есть пользоваться минимальным количеством букв. Пока этот способ применяется главным образом в обучении (напр., языкам) и дает хорошие результаты в усвоении произношения и орфографии. Для малых народов огромное значение имеет хранение и распространение этнической информации в комплексной форме, ***хотя бы типа «звук – письменный текст» на электронных носителях.***

В связи с децентрализацией издательских возможностей необходимы особые меры для соблюдения стандартов графики и орфографии.

4. О принципах современной графики

Как уже указывалось, письмо – это договоренность общества о том, какой языковой элемент каким знаком обозначать. Суть договоренности следует искать, скорее всего, в компоненте времени, а само качество («правильность») знакового отражения может оказаться на втором плане. Понятно: если часто меняется стандарт – общество не успевает внедрить его. Наоборот, если долго выдерживается – общество по инерции привыкает к любым правилам. Как правило, формирование графической системы является длительным историческим процессом и заключает в себя немало силовых

моментов. В нем фигурируют две стороны: живой язык данного времени и его восприятие создателями графической системы. ***Графика (и орфография) в любом случае отражает более раннее состояние языка и восприятие его графического отражения*** – это является неминуемой закономерностью письма. В этом легко убедиться на простом примере. Со времен средневековий, когда формировалась графика большинства сегодняшних европейских языков, по звучанию языки изменились почти до неузнаваемости, лингвистика, со своей стороны, выработала совершенно иные взгляды на языковые звуки, а меньше всего изменилось письмо, которое так и зиждется на средневековых основах.

О теории графических систем издавалось много литературы. Графика и орфография хантыйского языка тоже обсуждались неоднократно. Здесь приводим несколько важнейших принципов, которые необходимо учитывать.

1. Фонемный принцип. Условия создания письменности значительно изменились с конца XIX в., когда открылась возможность свести систему письма с результатами лингвистики. Предполагается, что если знаки (буквы и графемы) верно отражают систему основных единиц – фонем, а также закономерности их сочетаний, то в обществе письмо может функционировать более адекватно (напр., обозначает более однозначно, легче усваивается и т.д.). Однако основное противоречие этим не устраняется. Для письма нужен стабильный стандарт, но из-за этого наука не будет стоять на месте. Фонология открывает все более глубинные структуры и старается свести количество их составных единиц к минимальному. Такая степень абстракции непосильна для простых носителей языка. Как обычно, и в этом случае желателен разумный компромисс. Не всегда получается соответствие таблицы фонем с алфавитом, но в любом случае стоит предпочитать ту альтернативу, которая не (или в меньшей мере) нарушает фонемный принцип. Простой пример: желательно избежать, чтобы одной буквой обозначалось несколько фонем или наоборот, несколькими буквами – одна фонема.

2. Экономность. Так как принцип экономии энергии (в простом человеческом понятии: «лень») действует и в случае пись-

ма, желательно не применять лишние буквы, значки, графемы и вообще избегать редундации, т.е. излишества. Это порой нелегко свести с логикой говорящих или с логикой самого письма.

3. Логичность, последовательность. Это тривиальное требование причиняет множество проблем. Одна из причин заключается в том, что русская графика неотъемлемо содержит в себе конкретные правила сочетания фонем русского языка (слоговой принцип, йотирование). Говорящие, а также создатели разных вариантов алфавита применяют это к хантыйскому языку по самым разным «логикам». Другая проблема – смешивание графических «традиций», т.е. оставшиеся приемы предыдущих графических вариантов. Заметим еще особенности восприятия графики у малограмотных хантов: например, один и тот же диакритический знак может обозначать самые разные различительные признаки, ибо различные оппозиции, к которым он относится в конкретных случаях, будто бы ясны для носителя языка (см. ниже).

4. Выравнивание диалектных расхождений. Из-за сильной диалектной раздробленности хантыйского языка одной из основных функций письма намечается сближение диалектов, создание своего рода «сверхсистемы», по которой пишут в единой форме, а каждый читает по-своему. Раньше принято было говорить о литературном языке или диалекте, но процессы настоящего этапа я бы скорее назвала сознательным формированием новых «региональных языковых вариантов» на основе ведущих диалектов. Это возможно в пределах диалектной группы. Соответственно двум главным диалектным группам графическая система существует в двух вариантах (северный и восточный). Выработка такой графики требует глубокого знания и совместных усилий носителей диалектов (точнее, их говоров), а также специалистов-диалектологов, ибо на основе одного диалекта трудно угадать оптимальный вариант. Главным графическим приемом можно считать создание особых букв и знаков для высокопроцентных соответствий в разных диалектах определенных фонем. Однако самым важным моментом является не теория, а соглашение говорящих.

II.

1. Об идее организации семинара «Графика и орфография хантыйского языка»

Особая потребность к широкомасштабному самовыражению со стороны этнической интеллигенции, в том числе и письменному, проявлялась два раза и всегда на подъеме развития: в 1930-1937 гг. и в настоящий период с 1990 г. Пока это выражается в стремлении опубликовать работы в печати, но вскоре можно ожидать и авторские лазерные диски с видеомонтажом и титрами. С расширением возможности публиковаться и при отсутствии контроля орфографических норм за последнее десятилетие выработалась следующая практика. Человек получает высшее образование, у него формируется индивидуальный вариант хантыйской графики и орфографии. Он пишет работы (обычно двуязычные), находит постороннего помощника с нужным званием, которого мало волнуют тонкости хантыйского письма, и с его помощью публикуется. В условиях конъюнктуры (скорее всего на русскоязычное содержание книг) и соперничества среди национальной интеллигенции за короткое время создалась настоящая экспериментальная лаборатория. Это касается всех видов письменности, включая и школьные учебники. Один и тот же автор может издать свои труды по самым разным стандартам, даже внутри одной публикации может по ходу менять орфографию.

Самое характерное явление для наших времен – это отсутствие желания координироваться или же неэффективность таких попыток. Оно связано с механизмом самоидентификации авторов и представленных ими общественных групп. Само собой разумеется, что за десятилетие невозможно проделать путь, который требовал целые столетия у других народов. Но индивидуально домысливать коррективы после того, как «писанина» уже вышла в свет, при большом количестве авторов тоже весьма нудная игра. Лучшее, чем мы можем помочь – предоставить официальный форум для достаточно широкого круга национальной интеллигенции, где можно коллективно осознать различия языковых вариантов

(диалектов и говоров), высказать свои идеи об обозначении звуков, обговорить проблематичные моменты орфографии. Желательно было бы договориться о каком-то стандарте или, по крайней мере, об организационной форме его создания и соблюдения. Независимо от того, получится это или нет, все равно необходим постоянный широкий форум для национальной интеллигенции по проблемам родного языка и письменности. Без этого переход на другой этап и на другой уровень невозможен.

Основная идея организации семинара – максимальная открытость и гибкость. В наши дни жизнь настолько подвижная, что способствовать развитию можно только с осознанием самых важных факторов данного времени и моментальной реакцией на него. Так, вместо строгого регламента я предпочла довольно большой объем свободных занятий, а вместо теоретических учений – в практике выявить конкретные проблемы, ведь совсем другой эффект дает коллективный опыт, чем внешняя подсказка. Такая же открытость относится и к выбору участников семинара. Мы позаботились, чтобы по возможности все диалекты и говоры были бы представлены носителями, а в числе докладчиков – самые разные концепции хантыйской графики. Очень жаль, что представители «новосибирской школы», вопреки ожиданиям, не присутствуют на семинаре. Они были приглашены специально, чтобы поддержать профессиональный уровень и объяснить неясные моменты на основе объективных экспериментальных измерений. Их концепции, в известной мере, отличаются от традиционного обско-угроведения. Целостность мероприятия нарушается тем, что они не могут более подробно раскрыть свои идеи для участников семинара.

2. Сколько систем графики нужно для хантыйского языка?

Нет сомнений в том, что надо срочно создать современный стандарт хантыйской графики и орфографии. Наблюдая за многочисленными дискуссиями по этой теме, можем задать элементарный вопрос: а какой стандарт именно? На первый взгляд – это практическое письмо для школьного обучения, которое, очевидно, является обязательным для цивилизаций современного типа. Но

хантыйский народ уже вступил в новый этап этнического существования, когда «Писаниной» правит «Наука», и нужно самым срочным образом графически фиксировать словесный информационный фонд. Этот фонд в конкретной форме существует исключительно в говорных вариантах (подкатегория диалекта), а практическое письмо вообще не годится для отражения такого уровня ни на каком языке. Итак, основной вопрос: сколько графических систем нужно в данный период для хантыйского языка? По крайней мере, две: практическое письмо и более точное – научное письмо. Между ними примерно такое же отношение, как между тенденциями унификации и самоидентификации.

1. Практическое письмо. Оно назначается для всеобщего пользования. Имеет нормативный характер, этим объединяет языковые варианты определенного уровня, создавая основу «литературного» языка или диалекта. Следовательно, в нем допустимы такие графемы, которые не соответствуют конкретному звучанию, но понятны для носителей языка, потому оно только в ограниченной мере может быть эталоном для произношения. Обучение начинается с начальных классов школы. Употребляется в учебниках, средствах массовой информации и делопроизводстве, в художественной и, отчасти, в научной литературе, в личных записях и т.д.

Учитывая унифицирующую функцию и ее результат в будущем, при выработке новой графики вполне целесообразно учитывать новые тенденции языка. На уровне развития живого языка – это влияние русского языка как особой основы, а также новые «языковые союзы» местных языков или их диалектов. Примером для последних может послужить тройной союз на севере: северный вариант шурышкарского диалекта, приуральский диалект и соприкасающиеся говоры тундрового диалекта ненецкого языка, а на северо-востоке: средне- и верхне-казымский, северные говоры сургутского диалекта с соприкасающимся диалектом лесных ненцев. На уровне графического отражения из-за двуязычия хантыйский язык воспринимается и осознается полностью на основе русского письма. Далее, можно предположить, что в будущем возрастет количество тех, кто желает изучать хантыйский язык, напр., обрусевшие националы и люди, желающие приобщаться к

новому Северному культурному кругу. Здесь письмо будет играть важную роль. Оправданы все графические приемы, которые находят гармонию с этими тенденциями.

2. Научное письмо. В данном контексте: письмо, назначенное для точной фиксации языковых вариантов с их информацией. Графика и орфография соответствуют лингвистическим нормам. Если письмо представляет специальную систему, то называется транскрипцией, «способом однозначной фиксации на письме звуковых характеристик отрезков речи» [БЭС 1998: 517]. На самом деле язык как форма содержит в себе огромное количество скрытой ***исторической информации.*** Именно для младописьменных народов язык служит источником познания значительной части своего прошлого, но только в том случае, если язык правильно и равномерно документирован. Научное письмо и словесная документация этноса должна быть такого качества, чтобы можно было пройти обратный путь к истокам в целях ***установления идентичности.*** Разница между профессиональным научным и практическим письмом наглядно демонстрируется примером, что по записям К.Ф. Карьялайнена или В. Штейница можно было реконструировать историю хантыйского языка, тогда как, читая хантыйскую газету, читатель доволен тем, что понимает предложения вообще.

Для хантыйского языка существует профессиональная научная транскрипция на латинице, выработанная В. Штейницем и его последователями с 1950-х гг., – финно-угорская фонематическая транскрипция. Она основана на обширном, хорошо проанализированном информационном фонде и максимально приурочена к особенностям этой языковой семьи. С поступлением массовой звуковой документации (разные виды записей), а также с развитием лингвистической теории некоторые коррективы все равно нужны, но сама система в науке себя оправдала. В российской научной практике она особо не распространилась из-за того, что во времена социализма в этом не было интереса, а вместо нее ничто другое не развивалось. Возникает вопрос: по какой системе писать на нынешнем этапе, когда предстоит вести самую обширную письменную документацию? Существуют следующие возможности:

1. Применять обновленный вариант финно-угорской транскрипции. Она удобна, признана в финно-угроведении, и на ней изданы основные работы по хантыйскому языку (напр., диалектологический словарь Штейница). В наше время при полной глобализации такие моменты, что она выработалась за границей и основана на латинице, вряд ли имеют особое значение.

2. Перейти на какую-либо международную фонетическую транскрипцию типа системы Международной фонетической ассоциации (МФА), как, например, пишутся научно английский, французский и пр. языки. Такая графика будет понятна всем языковедам мира, но сами буквы и принцип обозначения, с хантыйской точки зрения, будут сильно сложны. Подобным шрифтом затруднительно создать большие информационные фонды.

3. Создать вариант для хантыйского языка на основе русской транскрипции. Об этом надо договориться со славистами, ибо переработка специальной славянской системы на финно-угорский язык требует немало дополнительных букв, знаков и орфографических правил.

4. Создать не транскрипцию, а более точный вариант практического письма, со специальными буквами, значками для проблематичных фонем (напр., какуминальные согласные, казымский гласный ɛ) и тщательно выработанной орфографией. Это схоже с тем типом, как, напр., в не лингвистических, но научных работах передается русский диалектный текст, но более точный. Расшифровки несложно переводить в транскрипцию.

Научное письмо на уровне говора требуется срочно, так как резко падает уровень знания хантыйского языка и настолько же быстро уходит традиционный информационный фонд. В случае с аудиозаписями: если конкретная ситуация записи и фоновая информация неизвестны, ***то лет через 20 расшифровывать текст на слух будет крайне затруднительно даже*** при помощи лучших анализирующих компьютерных программ. Учитывая большой объем аудиоматериала и срочность обработки, желательна такая система, которой могут научиться средние научные кадры.

Прошу участников семинара подумать о том, какая система письма подходила бы наилучшим образом для расшифровки того

огромного звукового материала, который создается в этом десятилетии, ибо для истории может сохраниться только переосмысленная, т.е. обработанная на письме информация.

3. О соотношении графики и механизмов идентификации на примере усовершенствованного алфавита

Здесь усовершенствованный алфавит рассматривается в свете шеркальского, казымского, березовского, шурышкарского диалектов. Приуральский диалект, от которого берет начало хантыйская письменность в XIX в., до сих пор является одним из наиболее перспективных. Во времена социализма он не получил подходящий стандарт письма. Так как его система фонем сильно отличается от остальных диалектов, необходимо срочно создать комиссию, которая может выработать в рамках общего норматива ***стандарт графики приуральского диалекта.***

Когда я ознакомилась с усовершенствованным алфавитом в начале 1990-х годов, он казался мне несколько странным на фоне финно-угроведческой фонологии (хотя я, собственно, не фонолог). Так как надо было познать функционирование этой системы, а на право вмешиваться в развитие письменности другого этноса я не претендовала, в основу работы Белоярского фольклорного архива был взят этот тип письма. Он оказался вполне подходящим для обработки текстов, в том числе и фольклорных. При помощи введения нескольких специальных орфографических приемов, стало возможным достижение почти профессионального филологического уровня – это зависит не настолько от графики, насколько от восприятия пишущего.

Пока я обучала сотрудников, которые даже если и учились в школе хантыйской грамоте, то впоследствии ею не пользовались, а также пока обрабатывала тексты с информаторами или представителями интеллигенции, имела возможность наблюдать первичное восприятие письма хантами. За счет этого В. Штейниц в 30-х гг. тоже делал интересные примечания, а лучшими специалистами темы являются все-таки, наверно, учителя. Здесь, на семинаре, мы тоже проводили своего рода эксперимент по некоторым пара-

метрам. Участники расшифровывали с магнитофона собственную речь – это отражает первичное восприятие языка и письма в наиболее чистом виде. Потом расшифровывали речь носителей того же говора – это служило для взаимопроверки. В последующем вели расшифровку записи другого северного диалекта – таким образом можно установить, как классифицируются различия разного рода по сравнению со своим диалектом. Так как «внутренние» взгляды, стереотипы восприятия хантами письма во многом проливают свет и на вопросы усовершенствованного алфавита, ниже я привожу несколько характерных моментов.

3.1. «Этничность» звуков и графем

У ханты, закончивших любое учебное заведение, в основе восприятия графики лежит, конечно, русское звуковое обозначение букв. Если хантыйский звук сильно отличается от русского, то и звук, и соответствующая ему буква получает определение «хантыйский», напр., более твердый (соответствующий какуминальному) ”л” – «русский», а соответствия в разных диалектах другого, переднеязычного ”ӆ” – «хантыйские»; по сравнению с «русским» ”о” казымский ”ə” (лабиальный гласный среднего ряда, среднего подъема) – «хантыйский». Однако значение «хантыйский» относительно в связи с другой графической системой. Финно-угорские транскрипции, созданные специально для графического отражения хантыйского языка, могут обозначаться как «немецкие» (нємищ), потому что старшее поколение хантов в школе обучалось латиницей немецкому языку, а также потому, что большинство финно-угроведческой литературы издано на этом языке, в то же время русский алфавит определяется как «хантыйский».

3.2. Графические маркеры этничности

Если нет специальных букв для «хантыйских» звуков, то простые буквы можно сделать хантыйскими с помощью значков. Такая идея, а также и значки приходят из внешнего общества. Если обратить внимание на применение значков, оказывается, что это очень экономный метод: для согласных и гласных вполне хватает

по одному значку. Малограмотным людям, конечно, не пришла бы мысль пользоваться значками, так что исходное положение – это буква без значка в любой позиции. Даже если и ставятся значки, то спорадично и неоднозначно. Они становятся маркерами в тех случаях, когда присутствует оппозиция. Это касается не только хантыйских фонем, а также и графем с оппозицией типа «русский – ханты». В диалектах, где звуки различаются незначительно по звучанию от русских обозначений графем (напр., шеркальский), сущность «этномаркирующей» функции проявляется не так ясно, как в более сильно различающихся диалектах. В этой последней категории наиболее наглядный пример представляет казымский диалект.

• **Этномаркер для согласных: «хвостик».** Праобразом, наверное, является русская пара ”ш-щ”, которая, однако, в хантыйской азбуке изначально не использовалась. Аналогичным способом создается пара: «русский» ”н” и «хантыйский» ”ӈ” (заднеязычный назальный). Более сложно обстоит дело с парой «русский» ”л” (малошумный, в шурышкарском диалекте сильнее, в других менее какуминальный) и собственно хантыйский ”ӆ”. Видно, что «хвостик» здесь не обозначает определенную фонетическую черту, так как в разных диалектах звук произносится по-разному (в казымском и березовском – шумный, в шурышкарском – нет или в меньшей мере). Третьей, нетипичной парой можно считать ”ш” и «хантыйский (!)» ”щ” (среднеязычный, мягкий ”с”), при произношении которого кончик языка отодвинут назад настолько, что у кого хантыйская система фонем недостаточно сформирована, путает его с ”ш”. Это графическое изображение фонемы временно сменило графему ”сь” даже у ученых ханты и манси. Такая попытка была и у Е.А. Немысовой и Е.И. Ромбандеевой, и эта идея весьма популярна в народе во всех северных диалектах. Распространению «хвостика» способствует и то, что русские буквы с ним имеются в компьютерных шрифтах.

• **Этномаркер для гласных: «птичка».** Знак «редуцированности» был заимствован из концепции В. Штейница. Он обозначает краткое и в определенной мере «нечеткое» образование гласного. В условиях северных диалектов его можно воспринимать знаком краткости. В дальнейшем я буду пользоваться этим термином, чтобы избежать совпадение с редуцированностью

непервого слога. В шеркальском, березовском и шурышкарском диалектах, где краткость меньше влияет на место образования гласных, наблюдается лишь тенденция постановки знака только в тех случаях, когда имеется пара слова с долгим гласным. Казымский диалект со своими специальными звуками и неоднозначностью системы гласных представляет другой пример. Ввиду того, что большинство кратких гласных централизованы и отсутствует другая графическая возможность, то весьма удобно «птичкой» обозначать это качественное различие от соответствующих русских гласных, несмотря на количественные признаки. Отсюда объясняется, например, в усовершенствованном алфавите, где «птичка» по штейницевской трактовке должна обозначать краткость, наличие пары "ӳ" (передне-центральнорядный, краткий) и "у" (центрально-заднерядный, краткий). "У" соответствует русскому "у", а "ӳ" – не соответствует. Идея применения «птички» появилась исключительно для обозначения централизованности, однако не у малограмотных, она связана с именами профессиональных лингвистов Н.Б. Кошкаревой и Е.В. Ковган. У них фигурируют краткие "ӓ", "ӳ" и долгий передне-центральнорядный "ӧ" (соответствие долгому "у" в других сев. диалектах, по Штейницу "ǫ", по усов. алф. "ө"). У хантов же для пользования этим значком характерна скорее всего неоднородная основа по признаку. Наглядный пример этому графема "ӯ" в учебнике для 5 класса Г.А. Обатиной и Т.Я. Прокиной. В нем «птичка» пишется по усов. алфавиту, но нерегулярно. Для обозначения открытого, долгого казымского "є", не имеющего аналога в русском языке, чаще всего употребляется "э", но в некоторых позициях с «птичкой», напр., нӭм, сӭм, вӭр [Обатина, Прокина 1995: 48]. С точки зрения литературного языка проблематично, что применение одного и того же диакритического знака для меняющихся оппозиций обычно действует только в рамках одного диалекта.

3.3. Проблема редуцированного "э" непервого слога

Для графического изображения самую большую проблему представляет редуцированный гласный непервого слога. Определить эту фонему нелегко, ибо она по произношению приспосабли-

вается к звуковому окружению и реализуется в многочисленных вариантах, начиная от ”и” до ”а”. Даже основной оттенок трудно уловить на слух – это какой-то краткий, неясный звук между ”э”и ”а”. Суть этой фонемы заключается не в звучании, а в функции образования слога. Для нее нет «готовой» буквы ни в каком алфавите, и во всех диалектах с самого начала письменности идет эксперимент: в какой позиции какой буквой ее обозначать. Трактовку этой фонемы можно определить по тому, как автор обозначает ее в нейтральной позиции (напр., перед суффиксом множественного числа ”-т” или прошедшего времени ”-с” при нейтральном предыдущем слоге).

К сожалению, взгляды носителей хантыйского языка в XIX веке не документировались. Первые исследователи северных диалектов обычно воспринимали этот звук как краткий переднеязычный среднего подъема и обозначали каким-то вариантом буквы ”е” в нейтральной позиции (А. Регули, экспедиция 1844: ”е”; А. Алквист, экспедиция 1858, 1877: ”і” с полукругом внизу; Й. Папаи, экспедиция 1898: ”ə”). В это время, наверное, для финнов и венгров при медленной диктовке он действительно звучал так. Косвенным доказательством служит, что А. Регули и Б. Мункачи в северных диалектах мансийского языка тоже обозначали этот же звук в таких позициях, где позже стали произносить ”а”. В начале XX в. К.Ф. Карьялайнен в очень подробной фонетической транскрипции Сетэлэ использовал около 12 графем (6 на основе ”ə”) для передачи звучания в разных позициях. Вместо многочисленных вариантов с 1939 г. В. Штейниц установил единую фонему и графему ”ə”.

Если просмотреть графику в русском алфавите, то можно определить две тенденции. С одной стороны, стихийная трактовка этого звука тяготеет к основному ”а” и впоследствии к отражению его аллофонов разными буквами. С другой стороны, вместо этого специалисты регулярно предлагают одну нейтральную графему, хотя унифицировать ее для всех позиций не удавалось никому. Трактовка в качестве ”а” возникла еще в дореволюционном периоде, об этом свидетельствует, напр., перевод Евангелия на основе приуральского диалекта «Емынъ ястопса», где в нейтральной позиции (перед суффиксом мн. числа и прош. времени)

в большинстве случаев встречается буква "а". В 1930 г., когда под руководством В. Штейница вырабатывался первый общий стандарт графики – на основе латиницы, – специально для этого звука была введена буква "ъ", а литературным диалектом считался казымский. После перехода на русский алфавит и вместе с ним на шеркальский диалект в 1937 г. взамен предлагалась буква "ы". К концу 1950-х гг. этот диалект южного характера утерял силу, и в 1960-х гг. при всей унификации "а" снова появился в публикациях авторов шурышкарского диалекта (Р. Ругин, П. Салтыков). Эта тенденция благоприятствовала и другим северным диалектам, графема "а" была приемлема и для казымского диалекта (напр., [Русская 1982]), и со временем распространилась настолько, что на сегодняшний день во всей северной диалектной группе любой тип письма (усов. алфавит, газета, научные издания) обозначает основную форму редуцированного гласного непервого слога буквой "ă" или просто "а".

Необходимо оговориться, что оттенок "ă" не одинаково распространен в северных диалектах, а его доля увеличивается с юга на север. В шеркальском диалекте В. Штейниц (и в низямском К.Ф. Карьялайнен) установил гласный среднего подъема, который произносится в заднеязычном оттенке лишь в окружении "х", а также перед "п", "м" в лабиализованном виде. Для этих диалектов буква "ы" подходит весьма удачно [Steinitz 1975: 184]. В казымском диалекте В. Штейниц отметил, что этот звук прежде в редких случаях писался "а", и перед (латинским) "h" и в открытых слогах он принимает оттенок краткого "а" [Steinitz 1980: 19]. К. Редеи определил условия заднеязычного оттенка рядом с "х", с лабиализацией перед "м", "п" [Redei 1968:10]. Г.Г. Куркина в 1970-х гг. по фонетическим анализам охарактеризовала основной оттенок как «смешаннорядный среднего подъема неогубленный краткий гласный» [Куркина 2000:118] и среди его вариантов выявила оттенки 4-й и 5-й степени открытости, последний близко к редуцированному "ă". Открытый, продвинутый назад оттенок несомненно наиболее характерен для шурышкарского диалекта, по крайней мере, по восприятию носителей. В. Штейниц определил те комбинаторные условия, при которых проявляется

более открытый и заднеязычный оттенок: перед и после "х", перед "м", "п" и в открытых слогах – здесь порой близко к "ӑ" [Steinitz 1975: 7]. К этим условиям позже К. Раданович (Редеи) добавил и влияние заднеязычных гласных первого слога [Radanovics 1961: 7]. Штейниц также высказывался о причине тесного отношения между редуцированным "ə" (финно-уг. фонемат. транскр.) и "ӑ": "ə", который не встречается в первом слоге, со своим открытым вариантом "є" стоит очень близко к "ӑ". Это отношение между 'ə' и "ӑ" не случайно: "ӑ" первого слога, за исключением рядом с "χ"и "ηχ", образовался из "ə" [Steinitz 1975: 13]. Действительно, на каком основании носители северных диалектов стали соотносить этот переднеязычный, среднего подъема гласный (редуцированная форма звука "е") с кратким "ӑ" первого слога? Кроме исторической причины, указанной В. Штейницем, и новой тенденции произносить более заднеязычный оттенок, может быть еще одна – системная причина: "ӑ" первого слога и "ə" непервого слога на самом деле находятся в дополнительной дистрибуции как оттенки одной фонемы.

После вышесказанного можно считать весьма естественным со стороны носителя языка применение графемы "ӑ" в качестве редуцированного гласного непервого слога в усовершенствованном алфавите. Другое дело, что его несколько сложно гармонизировать с принципами современной графики. Без знака редуцированности фонема совпадает с полным "а" непервого слога, а со знаком она не экономна, ибо именно этот редуцированный гласный имеет наибольшую частоту из всех фонем. Графема "ӑ" трудно читается перед лабиальными согласными, ее все равно приходится обозначать по огубленным оттенкам, которые, в свою очередь, графически различаются в диалектах (везде -ӳв, но Каз. -ум, -уп; Бер. -ӧм, -ӧп; Шур. -ӑм, -ӑп). Выбор графемы "ӑ" отражает, с одной стороны, ныне доминирующее северное восприятие, а с другой стороны – ответную реакцию на предыдущую научно унифицированную графему ("ы"). Этим обясняется ее быстрое распространение в северных диалектах, и хотя она неудобна при письме, но при чтении воспринимается как самый естественный вариант.

4. О некоторых проблемах системы согласных

В сравнении с гласными согласные представляют меньше проблем и в системном, и в историческом плане. К началу 1990-х гг. в северных диалектах в области графики остались лишь единичные проблемы, напр., как обозначать среднеязычный (мягкий) ”с”: каким-то вариантом ”с” или ”щ”. С середины 1990-х гг., однако, по поводу казымского диалекта лингвистами Е. Ковган, Н. Кошкаревой, А. Каксиным поднимался кардинальный вопрос: придерживаться ли йотирования и слогового принципа в русском алфавите или перейти на слитные графемы с мягким знаком сербского типа. В настоящее время эта альтернатива пока не встретила массовую поддержку.

Соответствия согласных в разных диалектах очень характерны. Не случайно одним из основных маркеров деления на диалектные группы являются соответствия фонемы ”l” (в финно-угорской фонематической транскрипции), располагающиеся на карте как концентрические круги: крайние восточные и северные диалекты – ”l”, средние (сургутский, казымский, березовский) – шумный ”Λ”, центральная зона с юга и переходный салымский, низямский диалекты – ”t”. Процесс перехода ”l” >”Λ”> ”t” (”t” в интервокальной позиции, в звонком окружении и ауслауте реализуется в разных переходных оттенках к звонкому смычному ”d”) идет с юга на север и продолжается и до наших дней. В настоящее время его зона распространяется от д. Кышик до п. Полноват. На семинаре мы наблюдали, что при диктовке эти соответствия каждый склонен воспринимать по своему диалекту, и кто уже перешел на ”t”, тот с великим трудом может только восстановить изначальные места ”Λ”. В практическом письме образцовой можно считать ту договоренность, по которой ”l” и ”Λ” пишется единой графемой ”л̃”, сохраняя при этом оппозицию с твердым ”л”.

На междиалектном уровне проблему орфографического типа представляют изменения при сочетании согласных. Они не касаются каждого слова, как разницы на фонемном уровне, но разные законы при стечении согласных нередко приводят к непонятным для других диалектов словоформам. В рамках «литературного

диалекта» нетрудно установить стандарт для них. Но как только дело касается более широкого языкового варианта, выясняется, что самые активные в настоящее время говоры представляют противоположные типы по сочетаниям согласных (напр., верхнеказымский и сынский).

С точки зрения сочетания согласных выделяются две основные зоны: «первичная» по Оби (шеркальский диалект, полноватский говор казымского диалекта, березовский, приуральский диалекты) и «вторичная» (средне- и верхнеказымский говоры и шурышкарский диалект полностью). Этой зоне присущи «экстравагантные» законы при сочетании согласных в сравнении с первичной зоной. Существуют два типа стечений согласных, в которых происходят закономерные изменения:

1. Так называемые «устойчивые сочетания» двух согласных. Они, попадая в позицию перед третьим согласным (в шурышкарском диалекте также и в ауслаут), упрощаются, – один из их компонентов выпадает. Подтипы: 1. -нш-, -ньсь-, 2. -мп-, -нт-, -ӈк-, -ӈх- 3. -рт-. Эти сочетания (кроме -рт-) подлежат изменениям во всех северных диалектах. Примеры: первичная зона хӑшӆум (Каз. хӑнлум) «пишу», хӑнша «пиши», ампем «моя собака», ам'ӆам (Шур. апӆам) «мои собаки».

2. Позиционные изменения определенных согласных. Они характерны для вторичной зоны, напр., изменение ш > т, сь > ть перед "ӆ" в казымском диалекте, изменение м > п, н > т, ӈ > к перед "с" в шурышкарском. К особому типу можно отнести другие морфонологические явления, напр., метатезу "т" при стечении с "ш", "сь" в словоформах инфинитива и причастия в казымском диалекте. Примеры: Каз. хотлум «умею», хӑтьӆум «остаюсь», хӑнтши «писать», Шур. опса «садись» пӧтса «был положен».

В случае первого типа по орфографической традиции для литературного языка предполагается компромисс: писать все три согласные и в каждом диалекте объявить непроизносимым тот, который выпадает. С позиционным изменением такой прием невозможен, здесь пишется то, что произносится, но если есть возможность выравнивать на тип первичной зоны, то предпочитается этот вариант (напр., в казымском диалекте стандартом служит

полноватский говор). В этой области скорую унификацию вряд ли можно ожидать, и носителям диалектов (особенно со вторичной зоны) предстоит знакомиться с соответствиями разных типов и вырабатывать компромиссы.

5. Заключение

Возвращаясь к вопросу усовершенствованного алфавита, можно заметить следующую его особенность. Если просмотреть самые проблематичные моменты (обращение с «этномаркерами», как «хвостик», «птичка» = знак краткости и редуцированности, обозначение редуцированного гласного непервого слога), то очевидно, что в тех случаях, когда графические приемы отличаются от предложенных на лингвистической основе приемов, усовершенствованный алфавит проявляет характерные черты первоначального восприятия носителей языка. Это вполне естественно, ведь он был выработан для широкого пользования на основе большого педагогического опыта. На самом деле усовершенствованный алфавит можно охарактеризовать как наиболее широко обоснованную за всю историю хантыйской графики графическо-орфографическую систему для совмещения научных принципов с первоначальным восприятием носителей языка.

В ходе нашего семинара для переосмысления предлагаю следующие проблемы, которые должны быть разрешены при любом типе графики в северных диалектах хантыйского языка:

Гласные фонемы:

1. Графическое разграничение гласных первого и непервого слога.

2. Первый слог: определение с учетом всех диалектов, какой признак считать основным для деления гласных (длительность времени, особенность образования) и каким знаком его обозначать.

3. В казымском диалекте: вопрос признания и обозначения двух фонем ”э”.

4. Непервый слог: ввод одной унифицированной графемы для редуцированной фонемы во всех диалектах.

Согласные фонемы:

1) определение графемы для обозначения среднеязычного (мягкого) "с";

2) разработка междиалектной версии обозначения сочетаний согласных (выпадение и чередование).

Общее:

Вопрос йотирования и слогового принципа в русской графике.

Литература

БЭС 1998 – Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – Москва, 1998.

Каксин А., Ковган Е., Кошкарева Н. История хантыйского алфавита. – Без данных.

Куркина 2000 – Куркина Г.Г. Вокализм хантыйского языка. – Новосибирск, 2000.

Обатина, Прокина 1995 – Обатина Г.А., Прокина Т.Я. Хантыйскый язык. – СПб., 1995.

Русская 1982 – Русская Ю.Н. Хантыйский язык. Учебник для подготовительного класса (на языке казымских ханты). Издание 2-е. – Л., 1982.

Сенгепов А.М., Немысова Е.А., Молданова С.П., Волдина М.К., Лыскова А.Н. Хантыйский язык. Учебник для учащихся педагогических училищ. – Л., 1988.

Ahlquist A. Über die Sprache der Nord-Ostjaken. – Helsingfors, 1880.

Honti L. Chrestomathia Ostiacica. Budapest, Tankönyvkiadó, 1984.

Karjalainen K.F. Zur ostjakischen Lautgesischte // MSFOu XXIII. Helsingfors, 1905.

Radanovics 1961 – Radanovics K. Északi-osztják nyelvtan // Nyelvtudományi Értekezések 31. Budapest, 1961.